

КИРИЛЛ БАЛАШОВ

РОДОВОЕ ГНЕЗДО

РАССКАЗ

1

В посёлке городского типа я получил дом в наследство от родственников. Дом этот всегда принадлежал одной семье и переходил от прадеда к деду, от деда к отцу. В итоге достался мне. На тот момент мы с женой снимали комнату в коммуналке. Квартиры своей у нас не было, а с родителями жены жить не хотелось, тем более с маленьким ребёнком. Посидев, подумав, мы решили переехать в родовой особняк, как называл его мой отец. С работой проблем не возникло. Жена устроилась в районную художественную школу искусств, а меня приняли инженером в районное сельхозуправление.

Дом внушал уважение. Построен добротно из огнеупорного кирпича. Конечно, были и проблемы. Вода из крана ржавая. Позвали сантехника. После тщательного осмотра он сказал, что нужно менять все трубы, проржавело насквозь. Денег на ремонт у нас в тот момент не имелось, поэтому ремонт отложили на более благополучные времена, благо во дворе располагался колодец, которым мы и пользовались.

Дом удобно расположился в центре посёлка. С одной стороны — сельсовет, а с другой — речка. По весне, когда она разливалась, вода до дома не доходила, он стоял на возвышении, что его и спасало от половодья.

К дому прилагалась земля. Для моего сына Петьки это был рай. У него появилась своя территория, где он считал себя полноправным владельцем. Мы с женой сразу поняли, что двор — это его вотчина. Там он проводил всё время, играя с соседскими ребятами.

БАЛАШОВ Кирилл Валентинович родился в 1982 году в Баку. Закончил Московский университет культуры и искусств. По специальности библиограф. Публикуется впервые.

В доме располагалось две печи. Одна — большая, добротная русская печь, на которой находилась широкая лежанка. Сколько раз я представлял, как в долгие морозные ночи мои предки грелись на этой печи. Другая печь, отделанная изумительными изразцами, располагалась в гостиной. Печь-голландка. На каждом изразце — уникальный узор. Несколько более крупных изразцов с изображениями бытовой дореволюционной жизни. Больше всего мне нравились изразцы с изображениями ярмарочного театра. С медведями, с представлением Петрушки. Все изразцы положены весьма искусно и гармонично, несмотря на свою разность.

В первую очередь мы хотели сделать ремонт, но нас отговорили соседи. Нам рассказали историю, как несколько лет тому назад в сельсовете решили отремонтировать другой, похожий на наш дом. Из затеи этой ничего хорошего не вышло. При ремонте дом дал трещину и теперь находился в плачевном состоянии.

Конечно, мы с женой сходили и посмотрели, что там за трещина. Увиденное нас огорчило. Дому нужен был капитальный, правильный ремонт. Именно правильный, который сохранит всю красоту внутреннего убранства, объёмную лепнину, дубовый пол. В посёлке таких специалистов не водилось, а в сельсовете денег на реставраторов из города — шиш с маслом. Этот дом был похож на наш, построены оба примерно в одно время. Видя, как умирает это кусочек истории, и из уважения к родовому наследству мы с женой решили оставить всё как есть и капитальный ремонт в нашем доме не делать. Провели небольшую косметiku, и всё.

Через дорогу от дома располагалась центральная площадь посёлка. Главные улицы и, конечно, сама площадь были заасфальтированы. Поэтому грязи у нас почти не бывало. На других улицах дороги были засыпаны песком и гравием. Тех, кто жил на главных улицах, звали городскими, потому что они могли ходить в обычной обуви, а не в калошах и сапогах.

Все праздники и митинги проходили у нас на глазах. Сбоку от площади расположился небольшой сквер, в котором располагалась церковь середины восемнадцатого века. В тридцатые годы двадцатого с неё сбросили колокола, превратив в склад. Мы с семьёй любили прогуливаться вечерами в этом сквере. Сколько счастливых моментов проходило в нём!

Однажды от работы меня отправили в город с докладом. Там мне предложили повышение с переездом в город. Разговоры об этом уже велись несколько лет назад. Сейчас же меня поставили перед фактом. Конечно, я мог отказаться, но решил сначала посоветоваться с женой и сыном. С одной стороны, перспектив при переезде в город много. Развитая инфраструктура, доступность. Ну и, конечно, новая, интересная должность. Но больше всего меня волновало образование сына. В городе перед ним распахивалось больше возможностей. Поступление в институт. Но наша семья так привыкла к родовому гнезду, что бросать его не хотелось. Всю обратную дорогу я думал, как поступить. Переживал за дом, как родные отнесутся к такому предложению. Не хотелось бросать уже давно слаженный коллектив. Сразу нахлынули воспоминания, чуть не до слёз. Вот в таком состоянии я подошёл к дому. Посмотрел на него, и сердце сжалось. Я подумал, что, уезжая, предам дом, разорву родовую связь.

Жена обрадовалась. Мол, чего тут думать. Как говорится, куй железо, пока горячо. Её реакция меня расстроила, я не думал, что она с такой лёгкостью может взять и уехать. Хотя для неё дом не имел такой ценности, как для меня. Это не просто дом — это история моей семьи. Очень меня интересовало мнение Петра, ведь после меня он — продолжатель рода. Пётр не хотел уезжать, здесь ему нравилось, здесь у него друзья. А в городе надо начинать всё с нуля, обзаводится новыми знакомыми, налаживать контакты. Да и как можно оставить дом на произвол судьбы? Если за ним не следить, то он быстро разрушится. В доме нужно жить, за ним нужно следить и ухаживать. Иначе он умрёт. Я по-новому посмотрел на Петра, никогда не думал, что дом для него так дорог. Жена настаивала на своём, что нужно не раздумывая ехать в город и “ты, Пётр, ничего не понимаешь, так как слишком мал, а тебе ещё учиться нужно. В городе у тебя будет больше шансов

благополучно устроиться в этой жизни". Да и не только у сына, но и у нас тоже. Пётр, ничего не сказав, ушёл в свою комнату.

На следующий день жена с утра начала меня шилить, что нужно срочно решать вопрос с переездом. Мы начали думать, как поступить. Было решено, что дом нужно продавать. Но продавать тем людям, которые будут в нём жить. И делать это нужно очень быстро. Я предложил сначала переехать в город одному. Обустроиться, наладить быт, а семья, пока не найдём покупателей, будет жить в доме. Я буду приезжать на выходных. Конечно, неудобно так далеко ездить, но что делать? И к тому же это временное решение. Жена была против, считая, что в городе я загуляю, меня уведут, и я брошу её и сына в своём родовом гнезде. Мои возражения, что я не тюфяк какой-то, что меня нельзя увести, как корову, не произвели должного впечатления. К тому же её уже влекла городская жизнь. Как творческий человек, она любила посещать музеи, театры, кино. Моя новая должность подразумевала под собой постоянное присутствие в городе. А если мне позвонят, когда я буду в посёлке, и срочно вызовут? А если я в это момент буду на рыбалке и в лес за грибами уйду? Что делать тогда? Так и работу потерять можно! И что, опять возвращаться назад? Что скажут местные? Что такой хороший специалист, что без году неделя продержался в городе... Пойдут слухи, пересуды, подколки и так далее, и так далее. Фантазия жены развернулась на полную катушку. Было решено ехать всем вместе.

Друзья с работы говорили, что такой шанс выпадает раз в жизни и что на моём месте они, даже и не задумываясь, уехали бы в город. Непосредственные мои подчинённые были расстроены, по их словам, начальник я был хороший, справедливый. Некоторые даже прослезились. Я и сам чуть не расплакался. Тогда я ещё не знал, что это не последние прощальные слёзы в моей жизни.

Под натиском матери сдался и Петя. Придя с работы, я увидел, что жена с сыном пишут объявления о продаже дома. Петька потом ещё несколько дней говорил, что у него рука отваливается от писанины. Расклеив объявления по всему посёлку, а также опубликовав в районной газете, стали ждать и потихоньку собирать вещи.

Покупателей было много, но постоянно оказывалось что-то не так. То двери скрипят слишком громко, то полы ходуном ходят. То окна выходят не туда. Всегда находилось что-нибудь, что не устраивало будущих владельцев. Я понимал, что всё это говорится для того, чтобы сбить цену. Многие уже знали, что дом нужно продавать срочно, вот и надеялись отхватить подешевле. Тем временем мы с женой съездили в город и сняли на первое время уютную трёшку, по доступной цене в хорошем зелёном районе.

После бесконечной жалующейся череды покупателей пришли те, кого всё устраивало. Это была семья: муж, жена с родственником. Все вместе они жили в деревне недалеко от посёлка. Мужа его деревенский дом устраивал, но жена хотела переехать в районный центр. А тут такой дом в самом центре посёлка с окнами, выходящими на площадь. Мечта!..

— Вот, — заметил надменно брат жены, ловкий тридцатилетний балбес, — пускай теперь колхозники утрутся у себя там, в дыре. Мы будем портвейн попивать и в окошки на гуляющих поглядывать. Красота! И главное, сапог не запачкаешь, коль из дому выйдешь, асфальт! Уж развернёмся, сестрёнка!

Сестрёнка громко загоготала, тем самым одобряя план брата.

По мужу было видно, что ему слова брата жены не нравятся, да и сам брат тоже. Мужа звали Борис. Он был старше жены, вид у него был усталый, безысходность читалась в его глазах. Смотря на брата, у меня мелькнула мысль, а брат ли он ей? Но мужа, по-видимому, всё устраивало, в этой компании ему отводилась роль ходячего кошелька, а управляла всем жена.

Мы с Борисом вышли во двор посмотреть участок. Разговорились. Борис рассказал, что женился на Надьке два года назад. Жили поначалу неплохо, потом нарисовался брат и теперь вертит Надькой, как хочет.

— Чего с них возьмёшь? У меня там полный двор, бычки, коровы дойные, гуси, утки, всё на брата оставил пока, а этим только выпендриться надо. Тьфу! Вытрясла всё с меня, стерва!

Я расстроился, что вот такие люди будут жить в доме, который на протяжении стольких лет холили и лелеяли мои родственники. Было чувство вины, что передаю память в такие скверные руки. Но делать было нечего, время поджимало. Нужно уже выходить на новую работу, да и учебный год скоро начинался. Не хотелось Петю переводить в новую школу в середине учебного года. Да и с продажей дома я уже смирился, вступил на тропу предательства. Предал.

— Предатель, предатель, предатель! — корил я себя без остановки.

Жена, почувствовав моё настроение, начала успокаивать:

— Представь, если бы в те прошедшие года дом твоих родных изъяли, а? Ведь спасло только то, что дед твой был нужный специалист, что план электрификации осуществляли в ту пору. А то бы с вещами на выход, и такие же точно стали бы здесь проживать или коммуналку сделали бы. Посмотри, все дома, да и школа, и музыкальная тоже, да и твоя организация — всё гнездится в чьих-то домах, ранее принадлежавших кому-то. И где те наследники?

Эти слова меня успокоили, мы стали собирать вещи. Не успели разобрать только чердак. Да и попасть на него была проблема. Чердак был заперт на старинный амбарный замок, а ключ куда-то подевался. Я боялся, что если начну ломать замок, то сломаем всю стену, настолько добросовестно делали в старину. Мы договорились с новыми хозяевами, что освободим чердак позже, тем более что там хранились книги и всякая старинная утварь, которая им была не интересна. Решили, что чердак будет пока закрыт.

Начали оформлять договор продажи. Документы на дом хранились в старинной дореволюционной папке с вензелями. Когда я стал открывать папку, она выскользнула из рук и упала на пол. При ударе подкладка с одной стороны отслоилась, и из неё вылетел сложенный пополам лист. Бумага пожелтела от старости. Аккуратно развернув листок, я увидел красивый образцовый почерк. Написано было чернилами, дореволюционной орфографией, через “ять”. Это был отчёт строителя о проделанной работе. Как этот документ оказался спрятанным за подкладку папки — неизвестно. Но одно было ясно: лежал он там давно, с момента постройки дома.

В отчёте говорилось, что при закладке дома под два лицевых угла между основной кладкой и фундаментом положено по монете и пояснено: “Дополнительно сообщаю, как Вами, Ваше благородие, было приказано, две золотые монеты 1798 года чеканки под два передних угла дома поместить, так всё исполнили в точности. Как и велено было”. Подпись и дата: “1880 год от Рождества Христова”.

Дом оказался старше, чем я думал. Стойкий оказался. А монеты те отчеканены в годы правления Павла. А если так, то это уникальные монеты. Особенностью этих монет было отсутствие изображения императора. Может, внешность его не подходила, может, не хотел ассоциироваться с матерью Екатериной Второй... Почему Павел Первый так решил? Да кто ж теперь знает!

На лицевой стороне чеканили крест, позднее — двуглавого орла, а на обратной стороне надпись: “Не намъ, не намъ, а имяні твоему”. Только два года выпускались такие монеты.

Это коллекционная редкость ввиду небольшого количества выпуска. Был отчеканен в то время также и полуимпериял, то есть пять рублей, но золотой червонец Павла — это вам не империял, не полуимпериял, не целковый! Я в юности увлекался нумизматикой, собирал монетки, читал много тематических книг. А тут просто ахнул! Купившие дом, видимо, смутно представляя, о чём шла речь, услышали слово “золотой”, и этого им было достаточно, чтобы выражать свою радость. Брат с сестрой обнимались, предвкушая обогащение, пытаюсь расшевелить нового хозяина дома, но он как-то при молк.

Деньги под углы дома было принято класть издревле. Это обещало достаток проживающей в нём семье, благополучие, счастье и удачу. Не обязательно золотые должны быть деньги. Даже в погреб сыпали мелочь — потешить домового, ублажить его. Да и под подоконник, под дверной косяк,

при кладке печи тоже, под венцы деревянного сруба. Конечно, прапрадед в то время, когда ставили дом, ближе к середине девятнадцатого века, мог положить более дешёвые монеты, но он, преследуя ему одному ведомую благую цель, приказал уложить редкие экземпляры.

И тут я осознал — дом-то продан! Деньги получены!

Сказать, что я был расстроен, — ничего не сказать. Назад уже не воротишь. Хотя можно было попытаться расторгнуть договор. Если бы мы не знали о существовании этих двух золотых, тогда как-то можно было объяснить отмену продажи. Якобы предки стали сниться, просить не продавать родовое гнездо.

Дом — ценность нашего рода, ушёл в чужие руки, и в этом виноват я — нерадивый потомок!

Перед самым отъездом ко мне подошёл сын:

— Пап, а ты не жалеешь, что дом продал?

— Конечно, жалею... Но что делать? Послушай, Пётр, иногда приходится делать выбор. Когда-нибудь ты это поймёшь. А как бы ты поступил?

Петя опустил глаза и тихо, почти шёпотом сказал:

— Я бы не продал, — резко повернулся и пошёл к дому, украдкой смахивая слезу.

Я стоял во дворе, не было сил, чтобы сделать шаг.

Все вещи были загружены в грузовик, который выделили с бывшей работы в знак признательности за прошлые заслуги. Жена подробно объясняла водителю адрес доставки. По нашим прогнозам, мы должны были приехать быстрее грузовика и уже встретить его на месте. Жена с сыном сели в заполненный вещами, старый “Запорожец”. Жена переживала за посуду, которая была отправлена в грузовике. Петя тоже горевал о своих хомячках, которых пришлось отдать в зооуголок местной школы.

Я стоял перед домом и мысленно прощался с ним. Зайдя в дом, начал ходить по пустым комнатам, прикасался к дверям, стенам, косякам. Подойдя к русской печи, прижался к ней, поблагодарил за тепло, которым она согревала мою семью и моих предков. Пройдя в гостиную, долго смотрел на такие дорогие сердцу изразцы, провёл пальцами по выпуклым узорам. И снова оказывался на ярмарке или смеялся над шутками Петрушки.

Я просил у дома прощения! Говорил, что буду приезжать. Мне казалось, что дом вздыхает, слушает.

— Пап, нам пора. — На пороге стоял Петя.

— Да пора, — ответил я и прошептал: — Не держи на меня зла! — Ещё раз окинув всё взглядом, мы с Петей вышли. Не оглядываясь, пошли к машине. Отдав ключи хозяевам, сели в машину. Жена молчала, понимала. “Запорожец” тронулся. Я не смог себя заставить оглянуться, чтобы в последний раз посмотреть на уже чужое родовое гнездо.

2

При переезде в город нам нужно было решить много задач. На новой работе я вникал в рабочий процесс. После работы занимался домашними делами. Нужно было разбирать вещи, собирать мебель. Обустраиваться. Появились новые знакомые. Стали приходиться гости. Прежде всего, их поражала наша мебель.

— Как вы можете так жить? Это всё устарело, сейчас так не модно! Что за тёмные тона? А люстра? Что это за люстра такая, только ходи и бойся задеть её головой! Вся эта рухлядь уже никому не нужна. Сейчас нужно жить проще. Мебель в светлых тонах. Фарфор — это пережитки прошлого. А хрусталь и подавно. Это же не квартира, а музей. В следующий раз лучше вы к нам в гости приходите.

Вот такой вердикт мы получили от наших новых знакомых. Лично я думал, что это они от зависти, не у каждого в доме есть столько антиквариата. Но жена моя сникла. Раньше она гордилась этими вещами, а теперь оказалось, что это не модно и никому не нужно. Жена из обычной семьи, никакого антиквариата у них в доме не было. Зайдя в первый раз в наш

дом, она пришла в восторг от увиденного. Ей нравилось всё: и мебель, и хрустальные люстры, и фарфор. Все радовало глаз. Когда мы поженились, она с гордостью показывала свою вотчину всем знакомым и друзьям. Хвасталась раритетными предметами. Со временем это приобрело статус ритуала. У неё даже появилась экскурсионная программа, как в самом настоящем музее. И теперь ей сказали, что всё это неактуально и никому не нужно.

— Здесь всё нужно поменять — стыдно гостей приглашать! Обложились старым барахлом, как старики.

Род мой старинный и довольно известный, но особо большими богатствами не обладали. Имущество это копилось на протяжении нескольких столетий. Посуда и мебель в свободной продаже. Как и книги, впрочем. Именно книги были моей гордостью. Картины, которые висели на стенах, — подарки художников. Предки трудились не покладая рук на благо государства, тем самым приумножая своё имущество. В отличие от многих, не растратили своё накопленное, а берегли. Жили достойно, упрекнуть их не в чем.

И вот это накопленное за годы оказалось в съёмной трёхкомнатной квартире. Жена, как дирижёр, руководила процессом расстановки мебели. Жена хотела сделать всё красиво. Чтобы другие, видя эту красоту, радовались.

— Это сюда, а это туда, — повелевала она.

Это всё затягивалось до глубокой ночи. Мы старались не шуметь, чтобы не мешать соседям. Когда всё было расставлено, повешено, собрано, мы пригласили своих новых городских друзей. И вот такую оценку они дали нашей квартире. И это после стольких стараний! Естественно, что жена разозлилась. Но через некоторое время раздражённость ушла, и всё было как прежде.

Вечером на семейном совете решили обсудить наши дальнейшие планы. Договорились, что на оставшиеся деньги летом жена с сыном поедут на отдых. Я поехать не мог, потому что ещё не заслужил отпуск на новой работе. Нужно отработать определённое время для отпуска, а к лету я это сделать не успею. Ну, ничего, жена с сыном съездят вдвоём, а потом я к ним подъеду на несколько дней. Также нам нужно купить гараж, чтобы машина не стояла во дворе и не мешала жильцам. Жена хотела приобрести домик за городом с небольшим огородиком. Не могла она жить без земли. Пётр же хотел заниматься боевыми искусствами, чередуя их с игрой на скрипке. На том и порешили. Сделали копилку для желаний и стали по мере возможности её пополнять.

Через месяц я выступал с докладом на конференции. Моё выступление было назначено после перерыва. На конференцию съехались специалисты со всей области. В куртке я увидел своего знакомого из посёлка. И тут он мне сообщил неожиданную новость.

— А знаешь, что новые хозяева учудили с твоим домом?

По его интонации я понял, что ждать хорошего не стоит.

— Сначала всем рассказали, что теперь они сказочно разбогатеют, и в основании дома спрятан клад, который они непременно найдут. И пойдут на всё, даже если им придётся перебрать весь дом по кирпичику.

— Как же так! — возмутился я. — Это же не деревянный дом, который можно аккуратно приподнять на домкратах и поставить обратно.

— Вот и я им то же самое говорил. Но их не переубедишь.

— А как же Борис, муж этой дамы? Он же здравый мужик.

— Да они ещё до всех этих событий разошлись, разругались в пух и прах и его просто выгнали. Уехал назад в деревню. Теперь там всем управляет так называемый брат.

— И как, — спросил я, — нашли клад?

— Конечно, нет. Наняли рабочих, те как начали долбить у основания. Расковыряли все углы, да так переусердствовали, что дом дал трещину. К тому же и печь-голландка тоже треснула. Грохот был большой. Говорят, что парочка эта так перепугалась. Думали, что дом рушится. Когда немного пришли в себя, начали бегать по всем соседям и кричать, что хозяева их обманули. Говорили, что дом прочный, а сами поддунули хибару, развалюху. Что они в суд пойдут и докажут свою правоту. Соседи начали их ругать: “Паразиты такие, угробили хороший дом!” Народу собралась тьма. Все видели это

безобразии. Крику столько, что милиционер пригрозил пятнадцатью сутками нерадивым хозяевам за хулиганство.

После услышанного я больше не думал ни о чём. На автомате прочитав доклад, сразу поехал домой. Сердце бешено колотилось, ничего не понимая, лёг на диван, накрылся одеялом с головой и тихо заплакал. Так и лежал до прихода жены с сыном. Жена, видя моё состояние, не приставала с расспросами. Понимала, что мне нужно прийти в себя, а потом я всё сам спокойно расскажу. Вечером, немного успокоившись и понимая волнение родных, я рассказал всё, что узнал днём.

— Не нужно было продавать дом, — сказал Петя.

Я молчал, понимая, что сын прав. Жена решила взять инициативу в свои руки.

— А что теперь поделаешь, — сказала она, — у дома новые хозяева, и они вправе делать с ним всё что угодно. Пойдёмте лучше спать. Утро вечера мудренее.

Утром позвонили. Открыв дверь, я онемел: на пороге стояли новые покупатели нашего дома! Понятно, что приехали они явно не чаю попить. Высказывая свои претензии они, не стесняясь, начали на лестничной площадке. То, что своими криками они могут разбудить весь дом, их не волновало.

— Мошенники! — кричала хозяйка дома. — Вы нам что продали? Гнилушку! Возвращайте немедленно деньги!

Я хотел отправить нерадивую парочку куда подальше, но, к счастью, жена вовремя вмешалась в разговор. Взяв гостью за руку, она затащила её в прихожую. Брата затаскивать не пришлось, он сам додумался зайти.

— Что за крик? — спросила жена, закрывая дверь. — Сейчас всех соседей перебудите. А кто-нибудь может и милицию вызвать, и мы с радостью отправим вас на казённые харчи, — от гостей пахло алкоголем, — тем более, вы явно пьяны.

Парочка утихла. Наш разговор продолжался в прихожей. Начались претензии. Что и дом плохой, разваливается на глазах. Что мы обманули честных людей. Я растерялся, не зная, что сказать, оборону приняла на себя жена.

— В чём проблема? Документы все оформлены? Верно? Вы по своей глупости начали разламывать старый дом, ища мифические сокровища. Дом отреагировал на ваше невежество. В итоге что? Сами себя наказали. Кроме того, вы оскорбляли нас, уважаемых людей. Свидетелей тому масса. Это же уму непостижимо, наговорить такую чушь при всём народе, как будто они нас не знают. А вы знаете, что в уголовном кодексе есть статья за клевету? Думаю, не знаете, иначе бы придержали свои языки, — жена посмотрела на меня и продолжила, — и мы обязательно подадим на вас в суд.

После таких слов гости переглянулись.

— Нам этот дом не нужен, забирайте обратно, — пробурчал брат.

— С какой стати? Сделка состоялась, обратно не вернёшь. Тем более дом вам продавали целый, а теперь что с ним?.. И я не понимаю, почему мы говорим с вами. Вы кто? Хозяева? Где законный владелец? — очнувшись, сказал я.

— Он больше не хозяин, — сказала новая хозяйка. — Мы развелись, а дом он мне отписал.

Разговор зашёл в тупик. Продолжать общение нам больше не хотелось. В итоге было решено, что сообщим о нашем решении по телеграфу. А какое это будет решение, мы ещё не знаем. После этого непрошенные гости отправились восвояси.

Я ушёл в комнату, мне нужно было подумать. Как правило, прежние владельцы не забирают обратно проданную вещь. Что ушло, того уже не вернёшь. Но здесь не вещь, а дом. Не просто дом, а родовое гнездо. Хотел ли я его вернуть? Конечно, хотел. С самой первой минуты, после подписания договора о продаже. Как они могли так поступить с домом! С моим домом. Да о чём это я? Я сам его продал, сам отдал на произвол судьбы совершенно незнакомым людям. Что теперь делать? Выкупить обратно? Но деньги потрачены. Опять же дому требовался ремонт, на это тоже нужны деньги.

Ну, даже если и найдём их, кто будет заниматься ремонтом? Бросать всё в городе и ехать в райцентр? Но здесь хорошая работа, да и Пётр к городу уже привык. Я пытался найти выход и не мог.

На помощь, как и раньше, пришла жена.

— Без вариантов, дом нужно спасать, — сказала она. — Конечно, за такую цену мы его не купим, но можно попробовать сторговаться за полцены, возможно, получится и на меньшую сумму договориться. Ну, подумаешь, не купим мы гараж, не съездим на отдых. Это нестрашно. Ты знаешь, о чём я подумала? — спросила она. — Если бы мне рассказали такую историю, не уверена, чью бы сторону я приняла. Многие, конечно, видели, как эти варвары сами разламывали дом. Но не всем же известны детали. Подумают, подсунули людям старьё ненужное и уехали в город. Живут припеваючи, а бедолаги мучаются. Людей много, и мнений много. А репутация у нас одна. Уважение потерять легко, одно неудачное движение — и всё. Мы с тобой уважаемые люди и авторитет свой заслужили. Понимаешь, заслужили. А наше бездействие может всё испортить. Следовательно, нужно действовать и действовать с умом. Прежде всего, нужно понять сколько у нас денег, давай неси копилку.

Денег оказалось немного. Придётся долго торговаться с хозяевами. На что мы будем делать ремонт, ещё не решили. Но это была уже второстепенная задача. В первую очередь нужно вернуть дом. Петя наше решение одобрил.

3

Увидев, в каком состоянии находится дом, я возмутился. Первое желание было наказать вандалов, но, понимая серьёзность ситуации, успокаивал себя. Нужно держать себя в руках.

Основание дома, точнее, раствор, которым обмазывали нижние углы, оказался гораздо прочнее кирпича. Везде валялась кирпичная крошка. Трещина разделила дом на две части. Нужно срочно укрепить дом, помочь ему выстоять, иначе дом мог развалиться в любое время. По состоянию окон понятно, что в последний раз их мыла моя жена. А ведь прошло уже много времени. Внутри дом выглядел не лучше. Полы все в грязи, обои начали отклеиваться, потолок в копоти, русская печка утратила первоначальную белизну. Больше всего пострадала печка-голландка, расположенная в гостиной. Она дала глубокую трещину, от основания до потолка. Мои любимые изразцы все в саже оттого, что печь пытались истопить, но из-за трещины весь дым выходил в дом. Огромная люстра, оставленная нами в доме, вся покрылась толстым слоем пыли, позолота поблекла. Печальная картина!

Соседи наперебой приглашали нас переночевать у них. Говорили, что не сомневались в нашем решении вернуть дом. Приятно, что люди запомнили нас как порядочных людей.

В сельсовете нам объяснили, что если бы мы не приехали, то дом скорей всего снесли, прав и тем более лишних денег на ремонт в районе нет. Дом располагался в самом центре посёлка и портил внешний вид всей площади. Нерадивые хозяева бросили дом и восстанавливать разрушенное не собирались.

О цене недолго спорили, документы оформили быстро. Уже бывшие хозяева особо не артачились, видели, как нас встретили в посёлке. Ну и, конечно, испугались, что мы на самом деле подадим на них в суд, помня, какими словами они нас обзывали. Готовы были получить хоть что-то и быстро уехать. Тем более за дом платили не сами, а бывший муж.

Не теряя время, не без помощи друзей нашли хороших рабочих. Те достаточно быстро заделали трещину, укрепили фундамент, в общем, помогли дому не развалиться. На этом наши средства и закончились, да и время пришло возвращаться в город. Закрыв дом, мы уехали. Я решил, что приеду в ближайšie выходные и встречу с печных дел мастером, старичком, которого в посёлке все знали и уважали. Как говорили, таких мастеров можно по пальцам пересчитать. Мне нужен был совет в восстановлении печи,

тем более он знал наши печки, потому что занимался их ремонтом ранее.

Мы не заметили, как вернулись в город. Всю дорогу проговорили, планировали, как будем восстанавливать дом, где будем искать материалы. Вспоминали, как нас встретили соседи, друзья. Понимание того, что я вернул родовое гнездо назад в семью, придавало сил. Я стал усиленно работать, брал лишние смены, задерживался на работе, выходил на подмены, и всё для того, чтобы выкроить побольше дней для поездки в посёлок. На ремонт дома требовалось много денег. Нам пришлось потуже затянуть пояса, экономить на всём.

Я хорошо помнил, что на чердаке хранится много исторических документов, семейная хроника, переписка, которая собиралась на протяжении более ста лет. Картины, которым требовалась реставрация, рамы и подрамники, мебель, личные вещи и много ещё чего. Всё это требовалось пересмотреть, понять ценность и выкинуть то, что уже не пригодно. Подруга моей жены закончила исторический факультет и теперь работала в районном музее. Хотя музеем назвать его было трудно. В школе выделили небольшую комнату, где и хранилась многовековая история посёлка. Экспонатов много, а комната маленькая. Подруга с радостью согласилась помочь разобрать залежи на чердаке и с энтузиазмом при помощи двух школьников занялась делом.

Я тем временем отправился к печным дел мастера, известному на всю область. Жил он в небольшом домике на окраине посёлка. Встретил меня сам хозяин, маленький седой старик с аккуратно остриженной бородой.

Когда мастер увидел, в каком состоянии печь и помня, какой она была раньше, выругался. Внимательно всё осмотрев, вынес свой вердикт. Печку нужно аккуратно разобрать. Изразцы замочить, а затем хорошо отмыть. Далее их следовало хорошенько просушить. Кирпичи очистить от старой смеси.

— Ну что, хозяин, будем класть печь сызнова. Ещё лучше станет, красивше. А если какой кирпич поломан, у меня есть в запасе старинный кирпич, заменим. Раньше кирпичи лучше были, если есть возможность выложить печь из него, так и надо делать.

Печник позвал помощников, подробно рассказал, как правильно разобрать печь. Сам же сказал, что придёт с раннего утра и приступит к работе.

Работники начали разбирать печь. Я тоже не остался в стороне, помогал, чем мог. Мыл изразцы, вытирал, раскладывал на просушку во дворе, чтобы быстрее высохли. Работать можно только с сухими изразцами. Каждый изразец сделан вручную и имел свою уникальность. Внутри плитки полые, если по ним постучать палочкой, можно услышать звон. Значит, хорошие, без трещин. Облицовка печи изразцами — это тоже отдельное искусство. Мастер должен выложить общую картину, которая радовала бы глаз хозяев. Такими печами раньше хвастались. Они украшали помещение и показывали уровень богатства хозяина. У кого красивее, тот и богаче.

Когда мы подошли к основанию печи, то решили немного отдохнуть. Жена пригласила работников на кухню, за стол. Я есть не хотел, поэтому продолжил работу. Разбирая оставшиеся кирпичи и снимая раствор с последнего ряда, я увидел совершенно не похожий на кирпич предмет.

С трудом вытащив предмет из кладки, увидел, что это жестяная коробка. Тяжёлая. Протерев её мокрой тряпкой, прочитал почти стёртые буквы, говорившие о том, что это шоколадные конфеты “Утиные носы” товарищества Степана Абрикосова. Первое, что пришло в голову, это позвать жену, но, помня про работников, сдержался. Казалось, что сердце сейчас выскочит из груди. Во рту пересохло. Неужели это клад, спрятанный одним из моих предков?.. Капсула времени из прошлого...

Когда, закончив разборку печи и подготовив всё к приходу печника, работники ушли, я принёс коробку и с торжеством водрузил на стол. Чтобы открыть её, пришлось потрудиться, а, открыв её, я к своему удивлению почувствовал аромат ванили, имбиря, шоколада. Как такое возможно? Непостижимо!

В коробке лежали монеты разного номинала. Жена потеряла дар речи. Некоторое время мы молчали.

— Откуда? — наконец спросила жена.

Я молча махнул головой в сторону разобранной печи.

Разобрав монеты, мы поняли, что все они серебряные. Разного номинала и года чеканки. Охватили почти столетнюю историю нашей страны. Самая ранняя из монет датировалась 1770 годом, а поздняя — 1860-м.

Я не смог сдержать слёз, благодарил запасливого предка за такой нужный подарок. Теперь стало ясно, что делать дальше. Среди моих знакомых было несколько нумизматов, которым можно продать монеты. Этой ночью я впервые за долгое время спал спокойно.

С самого утра пришёл печник. Надел брезентовый фартук и, закатав рукава рубашки, принялся за работу. Мне отводилась роль помощника. За время работы я многое узнал о печном мастерстве. Оказалось, что короткая аккуратно стриженная борода у мастера для того, чтобы не испачкаться в глине. А у кого длинная борода, тем приходилось заплетать косичку или перетягивать тесьмой, закидывать на плечо и там уже закреплять. Одна рука у печника всегда должна быть чистой.

— Ясно дело, — пояснял он, — вот, к примеру, нужно кирпич взять или платок из кармана достать, пот отереть. Коли обе руки в растворе запачкать, то весь будешь “замаранный”.

Слово “грязь”, применительно к раствору, он не допускал.

— Да какая ж это грязь? Грязь вон на дворе в слякоть, а это — как тесто для хлеба. Чем выше опара, тем лучше хлеб выйдет. Плохо замесишь, тесто будет клёкое, не поднимут и дрожжи, закислый будет хлеб, быстро засохнет. Для скотины только пригодный. Так и раствор готовить надо. Я тебе класть по старинке буду, как меня дед мой учил. Сначала глину нужно хорошо вымесить, “отмучить”. Обязательно удалить попадающиеся камешки, стекла и сор разный. Использовать при замесе только просеянный песок.

— А как проверить, что раствор готов? — спросил я.

— Берёшь немного раствора на мастерок и со всей силы кидаешь в стену, — сказал, улыбаясь, печник, — часть раствора останется на стене, а часть на мастерке. Это значит, что песка мало, нужно добавить. И так делаем до того момента, пока раствор не станет однородным, а на мастерке ничего не останется. Только с таким раствором можно работать. Вот смотри и учись, а то нынче никто не может правильно печь сложить, все тяп да ляп, и готово. Потом удивляются, что всё разваливается.

Тем временем жена с подругой разбирали чердак. Оставив печника работать, я сам поднялся наверх. С чердаком тоже прошло не всё гладко, мы так и не нашли ключ, пришлось срезать замок. Подруга жены расстроилась, ведь замок был старинный. Сейчас же они вытирали толстый слой пыли с предметов, которые никто не трогал на протяжении долгого времени. Жена разбирала папки с документами. Чего там только не было! Всевозможные праздничные открытки, деловые бумаги, письма, дневники, а также переписка с известными людьми, имеющая историческую ценность. Всё это сортировалось и раскладывалось по разным стопкам. Также нашлось большое количество фотографий, картин, статуэток, зеркал и, конечно, мебель. Всё дышало стариной.

Большой ажиотаж вызвало открытие сундука, в котором хранились дамские безделушки. Веера, лорнеты, причудливые черепаховые гребни, которые женщины вставляли в локоны, лайковые перчатки из тончайшей кожи и многое другое, что незаслуженно было сослано на чердак в сундук. Интересно, сохранилось бы всё это, если бы не был утерян ключ от чердака? Ведь что-то можно было продать в голодные годы. В самом дальнем углу к стене был приставлен прямоугольный предмет, завёрнутый в ткань. Оказалось — портрет, изображающий мужчину. Подруга жены принялась внимательно рассматривать портрет со всех сторон, на заднике картины увидела надпись: “Портретъ Ивана Михайловича”. Моего прапрадеда. Того, кто построил этот дом, спрятав деньги в печи.

Всё происшедшее казалось мистикой, но именно эта находка повлияла на дальнейшее моё решение.

Девушки остались на чердаке, а я спустился к печнику, чтобы помочь. Старик стоял на козлах, докладывал верхнюю часть печи, я подавал всё не-

обходимое. Завершая кладку, мастер вбил между кирпичами и потолком заранее заготовленные клинья. Позвав меня, он сказал:

— Подойди. Попробуй. Ходит печь по раствору, аль нет?

Я попробовал. И ощутил это движение. Печка дышала. Значит, всё правильно сделано. Сутки печь стояла, отдыхала, а затем печник выбивал клинья. Топить можно было только после полного высыхания.

После обеда, которым жена угощала всех, кто помогал в восстановлении дома, мы с печником вышли на воздух.

Он рассказал мне, что наша русская печь поставлена не на землю, а на “салазки”. Печь — живой организм, ей нужно движение. “Салазки” складывались из деревянных “крутляков”. Уголки крепились односторонним, замочным пазом. Между стеной и задним боком печи имеется запечье. Небольшой промежуток, чтобы тепло от печи циркулировало, обогревая помещение.

— Нагретый воздух гулять по дому должен. А вот в подустье печи обычно складывали ухваты, кочерги. Туда песок насыпан, чтобы дом не сгорел от раскалённых печных принадлежностей. Печь в вашем доме хорошо знаю, каждый её кирпичик! Салазки там необычные, ни у кого таких нет. Печь та “на воздухах плавёт”. Стоит на деревянном опечье из надёжных брёвен и, хоть существует много видов замочных пазов: и в “обло”, и в “чашку” с потайным шипом, и в “лапу”, и в “тёплый угол” — однако ваша печка замкнута в “ласточкин хвост”. И это правильно! Много раз её чистил от сажи, подправлял, если надобность в этом имелась, всё про неё знаю.

Сына на время восстановительных работ мы отправили к родственникам. Вот когда всё восстановим, тогда и привезём. Жена работала вместе со мной, помогала во всём. Ночевать ходила к соседке, я тем временем спал в доме на русской печи.

Оставив ключи печнику для окончания работы, сами отправились в город, где предстояло решить много вопросов. Самый главный, конечно, это достать деньги, чтобы рассчитаться с людьми.

Всю вывезенную из дома мебель мы с женой решили вернуть обратно, и, конечно же, хрустальную люстру, которая так не понравилась нашим городским знакомым.

В посёлок мы вернулись через неделю. Благодаря продаже части монет смогли расплатиться с печником и рабочими, которые заделали трещину и восстановили фасад дома. Из города привезли люстру и повесили на то же место, где она и висела. Чуть позже и мебель вернулась в дом. Всё было по-прежнему, как будто никто никуда не уезжал. Не было никогда этих ужасных жильцов. В посёлке нас все поддерживали, но были и такие, которые осуждали. Мол, ездят туда-сюда, сами не знают, чего хотят.

Когда восстановление дома подошло к концу, мы с женой решили устроить ужин. Пригласили друзей, которые нам помогали всё это время. Подругу жены, разбившую чердак, ну и, конечно, печных дел мастера.

Продукты для прощального ужина нам помогли найти знакомые в городе. Так же подсустились в качестве благодарности несколько коллекционеров, работающие в нужных местах. На стол к ужину удалось добыть несколько палочек колбасы, шпроты, компот из персиков, пару тортов “Прага”, голландский сыр, три коробки шоколадных конфет, ну и, конечно, несколько бутылок “Navana Club” и “Отборный” коньяк.

Готовая печь поражала своей красотой. Она была лучше прежней. Когда-то давно в этом большом зале танцевали, вальсировали пары. Принимали гостей. И главным украшением была печь, которой хозяева гордились. Есть такое выражение “танцевать от печки”. Непростая фраза, ведь всё в доме начиналось с печи. А дальше шли спальня, просторная столовая, кухня, кладовые и чуланы.

Больше всего радовался возвращению в дом, хотя бы и ненадолго, Петя.

Стол накрывать жене помогли подруги, соседи принесли стулья, чтобы всем было где разместиться. Как хозяину дома мне дали слово первому. Поблагодарив всех за оказанную помощь в восстановлении дома, сказал, что и дальше будем дружить и встречаться несмотря на то, что живём в городе.

— Когда мы продавали дом, то из одного документа я узнал о том, что при строительстве в его фундамент заложили две очень редкие золотые монеты. Это привело в дальнейшем к неприятным событиям, после которых дом вернулся к нам, прежним хозяевам. Все слышали о том, как жадность сподвигла людей разломать это здание. Узнав про монеты, я задумался, почему в фундамент заложили именно те, безликие, но с выдающейся надписью черwonцы. “Не намъ, не намъ, а имяні твоему” — отчеканено на них. В этом и крылся весь смысл. Я решил подробнее узнать, о чём же речь. В Ветхом завете эта строка звучала в переводе на русский так: “Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай Славу, ради милости Твоей, ради истины Твоей”. Посоветовавшись с семьёй, мы решили безвозмездно отдать этот дом под районный музей. Та комнатка, в которой он сейчас располагается, слишком мала. Дом, напротив, большой, да и расположение удачное, в центре посёлка. Мебель мы уже вернули в дом, она останется в нём и будет принадлежать музею. А завтра мы официально оформим все документы.

Директор музея принялась благодарить, не ожидая такого подарка. Одним моим условием было, чтобы портрет моего прапрадеда висел на самом видном месте. Оформив все документы, мы вернулись в город.

Как-то прогуливались мы с сыном в парке, и я спросил у него:

— Как считаешь, Пётр, правильно мы поступили, что дом музею отдали? Подумав немного, Петя ответил:

— Думаю, что да. Дом, он же живой. Ему нужно, чтобы его любили и заботились о нём. Теперь о нём заботятся и любят. Представь, сколько людей будут приходить, и смотреть на документы, картины и другие предметы наших предков. Память о них останется на века. Когда мы только переехали в город, я переживал, не хотел бросать дом. Теперь я не переживаю, я спокоен.